

университетская ЖИЗНЬ

ОРГАН
СОВЕТА
УНИВЕРСИТЕТА

Газета основана в 1972 г.

№ 9 — 10 (535 — 536) 26 сентября 1991 г.

Цена 1 коп.

ДНЕВНИК «УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ»

■ О новом наборе КГУ — по данным приемной комиссии.

На 10 августа было подано 3621 заявление против 2331 в 1990 и 2335 в 1989 годах. Контрольные цифры набора на 1 курс — 1225 человек. Итого средний по университету конкурс — 3 заявления на место.

В апелляционные комиссии было подано 101 заявление, 24 из них удовлетворены с повышением оценки.

Состав зачисленных (данные только по дневному отделению):

зачислено 899 человек, плюс 53 человека целевым приемом;

из них мужчин — 41,7%, женщин — 58,3%;

социальное положение: рабочие — 31,4%, колхозники — 0,9%, служащие — 57,5%.

Отличия за учебу в школе имеют

22,1%, без экзаменов поступил 1 человек, вне конкурса — 24 человека.

В числе студентов 1 курса выпускники подготовительного отделения составили 9% на дневном, 4% на заочном и 8% на вечернем отделениях. В связи с недостаточным высоким уровнем подготовки слушателей и экономической нецелесообразностью подготовительное отделение КГУ закрыто.

19 мест выделено для студентов, представляющих малочисленные народы Севера.

Выводы экзаменаторов о типичных пробелах в знаниях абитуриентов:

По математике: относительно хорошо решают шаблонные задачи, значительно хуже — текстовые;

физике: слабое знание физики,

ориентировка на стандартные подходы к решению задач;

химии: уровень подготовки большинства абитуриентов — посредственный;

биологии — отличные знания показали абитуриенты — выпускники школ, с которыми сотрудничал университет. Основные затруднения в разделе «ботаника».

русский язык и литература: крайне низкая грамотность

история СССР: многие не знакомы с новыми точками зрения и концепциями по истории СССР;

иностранный язык: уровень знания английского языка достаточно высок, других — значительно ниже.

■ Уважаемые первокурсники!

Коллектив научной библиотеки КГУ поздравляет вас со вступлением в студенческую жизнь. Библиотека станет вашим надежным парт-

нером в приобретении знаний, а коллектив библиотекарей — добрым помощником при ориентировании в книжном пространстве.

При библиотеке работает Клуб молодого литератора, и мы надеемся, что всем, кто пишет стихи, прозу или делает первые пробы пера, кому просто интересно общение, придут в клуб. Здесь вы сможете проявить свою энергию и талант, найти друзей и познакомиться с интересными людьми. Клуб начал работу в ноябре прошлого года. Здесь слушают стихи друг друга, обсуждают их и отбирают для публикации в альманахе. Проводятся встречи с красноярскими поэтами, писателями, художниками.

Обращайтесь в научную библиотеку по ул. Маерчака, 5, ауд. 1-14, тел. 21-61-14.

И. С. КОЛОСОВА

■ В этом году на филологический факультет приехало уже не 4, а 11 английских студентов.

Прошлогдний визит закончился тем, что один из англичан женился на нашей студентке.

Начали и мы отправлять наших студентов на учебу за границу — в Англию едут два филолога.

■ Наконец, к университету провели троллейбусный маршрут — N 15. Пока он работает в наш «час пик»: когда студенты едут на занятия и когда с них возвращаются. Но со временем маршрут станет регулярным.

■ В киосках «Союзпечати» появилась газета «О!», собственная газета... одного нашего студента. Надеемся, вам будет интересно с ней познакомиться. Ее издатель — Олег Фролов, 4 курс, филфак. Мы рекламируем не газету, а только самостоятельность наших студентов-журналистов.

В начале лета произошло одно довольно крупное событие: под Красноярском была проведена всесоюзная Организационно-деятельностная игра «Проблемы русской культуры». Мы предлагаем вам 2 материала о ней. Первый, написанный от лица специалиста по играм, может быть более понятен тем, кто знаком с игровой практикой. Второй (см. на 3-й странице) написан участником игры.

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ ИГР.

(ВЗГЛЯД
ИЗ КРАСНОЯРСКА)

По утверждению основателя ОДИ Георгия Петровича Щедровицкого, данное занятие сродни футболу, т. к. заведомо не отвечает на вопрос о собственном продукте. Игра формирует скорее субъекта человеческой деятельности. Делает это она за счет специального процедурного обеспечения естественных процессов творчества, конкуренции, сотрудничества и конфликта. И в этом смысле ОДИ — «футбол» вдвойне. Ибо это есть спорт интеллектуальный и несравненно более эмоциональный, чем футбол, бокс и петушиный бой.

О жизни ОДИ нельзя рассказывать. Это все равно, что объяснять, как звучит музыка, человеку, ее никогда не слышавшему, показывая ему при этом молчащие музыкальные инструменты.

Управление, руководство и организацию игры осуществляет команда игротехников (специалистов по игровым процедурам, работающих в игровых группах). Общие заседания ведет руководитель игры (игротехник). Игро- и игротехническую работу можно охарактеризовать словами «гибкость мышления» и «хитрость разума». Это есть умение управлять, не полагая, руководить не подменяя, организовывать не навязывая.

Управлять не полагая, т. е. преследовать чужие цели как будто свои.

Руководить не подменяя, т. е. ненавязчиво инициировать чужую активность.

Организовывать не навязывая, т. е. строить организацию из элементов чужой жизни, не разрушая их.

Это — искусство «нинзюцу» в предельном его смысле, т. е. умение растворять свое действие в

действиях окружающих.

ОДИ существуют второй десяток лет (с 1979 г.) Будучи развернутой к социуму и улавливая тенденции его развития, игра меняется. Первый игротехник Г. П. Щедровицкий проводил игры полинаучного и образовательного плана. Его ученики (С. В. Попов, П. Г. Щедровицкий, Ю. В. Громыко и другие) ассимилировали средства ОДИ политическое, экономическое, управленческое и иные деятельностные содержания.

Форма игры и игровой стиль также меняются, поэтому ОДИ есть всегда нечто конкретное и ситуативно своеобразное, а не «от века положенный» игровой ритуал. И все же существует исторический континуум жизни ОДИ, который понятен всякому, практикующему данную деятельность.

КРАСНОЯРСКИЙ СТИЛЬ

Автор данного текста принадлежит к группе лиц, в течение последних трех лет осмысленно практикующей организационно-деятельностные игры. Эта группа (команда) под руководством А. Н. Горбаня состоит из сотрудников Красноярского научного центра СО АН СССР и Красноярского университета, профессионально работающих в сфере образования. ОДИ явилась для нас средством преодоления узкоспециального (чисто предметного, чисто дидактического и чисто воспитательного) подхода к образованию. Она позволила анализировать процессы формирования профессиональности (прежде всего управленческой) в социуме как процессы базовые в образовании, в конечном счете определяющие развитие.

Красноярская ОДИ-команда имеет свой игровой стиль. Вкратце он представляет из себя следующее:

1. Языки описания ситуации и логика анализа событий, происходящих на игре, носят нарочито гуманитарно-предметный характер (в предметности оргуправления, психологии, социологии, правове-

дения).

2. Дискретность предметного видения преодолевается за счет феноменального анализа и самопроблематизации профессионалов и игротехников с последующим оформлением новой предметности как другой по отношению к той, которая существовала до начала работы.

3. Предельной точкой видения ситуации является не предметное и не методологическое, а управлен-

ческое (целевое), которое определяет меру и место всякого другого видения работы.

Хотелось бы иллюстрировать высказанное некоторыми конкретными и «классическими» примерами из истории наших игр.

ОДИ «ОМСК-1».

Игра проводилась в городе Омске на одном из крупных машиностроительных заводов. Тема игры — выборы СТК завода и запуск в СТК рабочего процесса управленческого типа. В основу работы было положено представление о парламентском (коллективном) типе работы. Реконструирована в предметных языках и логиках культурная норма работы парламента, а также гипотеза и причина несрабатывания парламентских механизмов в нашей стране. Суть этой гипотезы заключается в метаморфозе отношений собственности, когда собственность превращается в свою противоположность — «бездельность» или «ничейность». Такая нацеленность работы позволила в процессе работы с коллективом завода выявить конкретный феномен культуры, организующей управление за счет блокирования парламентской коллективности по типу отношения «Мы — Они», где «Мы» есть свои правильные и правые, а «Они» — враги, люди внешние и не правые. Всякое управление заводом, не учитывающее этот феномен, в принципе не могло быть деятельностью собственно человеческой и личной. Такое видение позволило в конкретном коллективе решить задачу управления завода за счет понимания общей проблемы парламентской демократии в нашей культурной ситуации.

ОДИ «ЛЕНИНГРАД». Тема проведенной в Санкт-Петербурге игры — проектирование в Санкт-Петербургском регионе зоны свободного предпринимательства. Разнообразный состав участников игры (депутаты Ленсовета, крупные руководители, представители делового мира, академической науки, право-

охранительных органов и т. д.) ставил задачу общего пространства работы. Таким пространством не могли быть ни жизнь, ни организация. Гипотетически предполагалось, что таким пространством может стать работа по формированию идеологии зоны. Предыгровая гипотеза была следующей: идеология как факт случается всякий раз в нашей социокультурной ситуации благодаря тому, что строится на материале, который нейтрален в организационной и жизненной ситуации каж-

“ФУТБОЛ” ВДВОЙНЕ

дого объекта и в то же время общезначим. Последующая игра подтвердила эту гипотезу, но и продемонстрировала отсутствие общезначимого как некой ценности нейтральной и актуальной сейчас деятельности. Грубо говоря, идеология зоны свободного предпринимательства не может покоиться на развалинах прошлого города, она может стать лишь результатом творчества того, кто «исхитрится» строить свою деятельность (в том числе и предпринимательскую) как «пример для подражания другим». ОДИ, проведенная в г. Санкт-Петербурге, не построила новую идеологию предпринимательства, но расчистила место для «строительства», избавив участников от иллюзии готовности к рынку и другим феноменам экономической деятельности.

ОДИ «КИРОВСКИЙ РАЙОН».

Игра заказана исполкомом Кировского района г. Красноярска специально с целью соорганизации деятельности исполкома и промышленных предприятий района. Опыт работы в режиме организации свидетельствовал, что изменение собственно организации связано в реальности с реакцией на изменение внешней ситуации. Замысел на игру представлял из себя попытку самоорганизации исходя из целевых установок. В ходе ОДИ удалось выделить во внешней ситуации зону незначимого (декларируемого) и интенцию на изменение (например, на коммерциализацию соцкультбита). Последнее было закреплено в ряде совместных проектов исполкома и предприятий. В итоге: «Сложился коллектив единомышленников, т. е. прообраз или вернее зачаток команды. Директора предприятий приняли решение создать «Клуб директоров» со своим Уставом, вступительными взноса-

ми. Цель клуба — в неформальной обстановке провести обсуждение некоторых взаимноинтересующих проблем.

В процессе игры у участников менялась оценка некоторых событий и явлений. Например, в первый день все директора предприятий резко отрицательно отнеслись к деятельности кооперативов. Произошла страстная перепелка с употреблением терминов «мафия» и «спекулянты». Но при подписании соглашения о строительстве кирпичного завода возник вопрос: а кто будет строить и эксплуатировать этот завод, добывать оборудование? Ведь предприятия только дают деньги. Оказалось, что самое лучшее — поручить все это строительному кооперативу, который, построив, берет кирпичный завод в аренду. Психология директоров изменилась. И теперь они считают нужными и кооперативы, и малые предприятия, поскольку им можно поручать очень многое, особенно в решении социальных проблем» (Зам. председателя райисполкома М. А. Смирнов о результатах игры).

ОДИ «ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ».

Эта ОДИ выпадает из ряда других. Для нее характерно, что позиция заказчика (а их в данном случае два: культурно-экономический центр «Россия-Канада», а также «Русский национальный банк», он же спонсор) не есть позиция управленца. Более того, игра не имеет собственных задач, это игра в чистую проблему. Цели ее — не разрешение каких-то частных вопросов, а самоопределение субъекта в нынешней социо-культурной ситуации в самом широком смысле этого слова. Поэтому сами игроки двигали игру, все больше и больше входя в проблему, избавляясь от чисто внешнего в ней, присваивая культуру как личностный феномен.

В целом ОДИ случилась. Произошло освобождение от тех метафизических «уже сделанных» представлений о возрождении, о национальном, о роли личности в культуре, которые всякий раз избавляют нас от необходимости мыслить в прямом смысле этого слова, т. е. производить новое.

Можно сказать, что появился новый тип игры: чисто проблемная, но не научная. А в ее рамках было преодолено представление об управлении как ситуативном, всякий раз случайном действии — т. к. сама игра есть образец культурного управленческого действия.

К. Г. ПОМРЕНИН,
игротехник.

ОСНОВЫ БОРЬБЫ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ РОССИЮ

Иван ИЛЬИН

1. На кого нам надеяться?

Мы должны надеяться на Бога, на духовные силы национальной России и на самих себя, верных Богу и родине. И только; этого довольно, и больше надеяться нам не на кого.

И прежде всего, и больше всего — мы должны надеяться на *Божью помощь*, молитвенно призывать ее и укреплять свои души в Божиих веяниях и зовах.

Напрасно иные представляют себе дело так, что между Богом и человеком лежит разобщение, что человек представляется в земной жизни своим собственным силам, что Господь есть судия и взыскатель, но не помощник и не источник любви и силы. Если бы люди знали, что *Бог есть Дух*, то они поняли бы, что *во всякой человеческой духовности веет живое присутствие Божие*: в совести, в верности и в храбрости, в смирении и в жертвенности, в знании и в науке, в красоте и в искусстве, в дисциплине и в правосознании, в молитве и в богомыслии... И если бы люди знали, что *Бог есть Любовь*, то они поняли бы, что *во всякой искренней любви веет живое дыхание Божие*: в любви ко всякому совершенству, в любви к родителям, к жене, к другу и к детям, в любви к родине и своему народу, к ближним и ко всякому живому существу. Бог доступен нам и близок нам; от нас зависит призывать его, т.е. укреплять свою слабую силу Его великою Силою, свой дух — Его Духом, свою любовь — Его любовью. Мы должны помнить, что «всякий, делающий правду, рожден от Него» (1 Иоанна 2.29); и еще, — что «если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу, и чего ни попросим, получим от Него» (1 Иоанна 3.21-22). Мы должны быть уверены, что наше дело есть дело самой России, а дело России — правое; правое же дело всегда найдет защиту и помощь у Бога.

Мы должны надеяться, далее, на *духовные силы национальной России*. Тот, кто сомневается в них, пусть изучает русскую историю и пусть увидит, какие природные, пространственные и исторические бремена поднял русский народ, создавая на протяжении тысячелетия свое единство, строя свое государство, отстаивая свою веру и творя свою культуру. Пусть припадет он душою к тем источникам, из которых русский народ черпал свои силы: к его молитве, к его совестным исканиям, к его патристическому и национальному чувству, к его художественному созерцанию, к его государственной воле, к самобытности его на всех путях жизни. Надо утвердить свой дух в духе национальной России; надо слить свой инстинкт с русским национальным инстинктом самосохранения. И тогда откроется, что русский народ искони обрел свою силу через молитву, верность и жертвенное служение.

И, наконец, мы, русские люди всех племен, всех народностей и всех исповеданий, — должны надеяться на себя, на самих себя и ни на кого другого. Будет сделано только то, что мы сделаем сами; чего мы сами не сделаем, того не сделает за нас никто другой... Дело освобождения и возрождения России есть наше общее дело, и оно будет выполнено нашими силами и нашими руками. Поэтому нам необходимо усвоить три правила, ввести их в свою душу, как бы в плоть и кровь, и передать их детям и внукам.

Первое: на чужие силы надеется лишь безвольный человек, а безвольный человек не победит никогда. Победа безвольного есть пустая видимость. Для него самая победа есть разновидность поражения, которая вот-вот обнаружит всю его немощь. И если он случайно «победит», то он не сумеет взять свою победу, а если он случайно возьмет ее, то не удержит...

Второе правило: затруднение и неудача ослабляют силу безвольного человека и укрепляют силу волевого. Волевой человек живет и рассуждает так: «Не удалось, — значит мало сил собрал, значит соберу их вдвое»...; «Непреодолимо — значит боролся не так, как надо, значит найду верный способ, может быть — недооценивал силы врага, переоценивал свои силы, плохо готовился, мало углублялся, неумело организовывал»... Затруднение заставляет волевого человека извлечь из самого себя еще больше силы, чем он извлекал доселе, но отнюдь не отнимает у него решимости и мужества.

И, наконец, третье правило: из двух людей — к победе ближе тот, в ком сильнее любовь к делу, кому лично нечего терять и кто ничего не боится. Такой человек борется не «постольку-поскольку», а — без оговорок; не по принуждению, а добровольно; не по должности, а всей душой, не напоказ, а честно и грозно. Он отдает все, чтобы взять все, т.е. чтобы осуществить всю свою цель и удержать ее.

Трудно представить себе, что могут сделать два волевых человека, которые укоренились в Боге и в патристической верности, которые безусловно верят друг другу и сговорились друг с другом на жизнь и на смерть... А три таких человека? А десять? А тысячи?...

Что же нам нужно?

Глубокая вера в то, что наше дело — правое перед лицом Божиим и что молитвенное очищение души даст нам нужные силы. Сосредоточенная подготовка своей воли и своего умения. Непоколебимый отбор волевых и безусловно доверяющих друг другу людей. Выдержанный, трезвый расчет в борьбе.

И непоколебимое подчинение единому вождю и единому плану.

Вот на что и на кого нам надо надеяться.

2. О русском самостоянии.

При свете того мученического костра, на котором горит Россия, мы должны пересмотреть все основы нашего государственного быта и нашего национального самочувствия. И первое, чему мы должны научиться, — это *русскому национальному самостоянию*.

Мы должны укрепить в себе и в наших детях и внуках — *инстинкт национального самосохранения*. Мы должны научиться слышать его в наших душах и повиноваться его требованиям. Мы должны понять, что все совершившееся с Россией во время великой войны и революции и еще совершающееся на наших глазах, — возникло от того, что в русском народе временно померкло духовное самосознание и временно ослаб инстинкт национального самосохранения, тот самый инстинкт, который увел его от татар из южных степей в северные леса, который вел политику московских князей, собирателей Руси, который вывел Россию из татарщины и смуты, повел ее за Петром Великим и Ломоносовым, восстал на Наполеона и замирил оружием, колонизацией и культурой одну шестую часть земной поверхности. В этом исторически замедленном, но великом подъеме русский народ обнаружил такую силу и гибкость инстинкта самосохранения, такой государственный смысл и такт, такую способность личного самопожертвования, такое всеперемалывающее и всепобеждающее терпение, такую цепкость, верность себе и самобытность, что сомневаться в его

грядущем возрождении могут только совершенно неосведомленные и непомерно жадные иностранцы. Русский народ восстанет и возродится. Но для того, чтобы это совершилось, должно быть преодолено *то временное изнеможение* его национального инстинкта, то временное *померкание* его *духовного самосознания*, которое привело его к нынешнему состоянию. Гнет коммунистов является, по-видимому, величайшим препятствием для этого; но именно он-то и пробуждает, и углубляет, и закаляет русское национальное самосознание, в унижениях и муках подготавливая великий подъем религиозной веры и национального чувства.

Народ с колеблющимся инстинктом национального самосохранения и померкшим духовным самосознанием — не может отстаивать свою жизнь на земле; а заменить этот инстинкт и это самосознание нельзя ничем. Народ должен чувствовать в поддонных глубинах своей души — свое *единство*, свою неразрывную связь и сопринадлежность, свою *самобытность* и *духовную драгоценность* своего своеобразия перед лицом Божиим; он должен чувствовать свое «мы» и его величие; он должен верить в свои *силы*, в свою *правду* и в свою *богоблагословенность*. И это чувство и чутье, эта вера и гордость должны будить в нем в роковые исторические часы ту особую природно-инстинктивную «муравьиность» и «пчелиность», без которых ему нельзя отстаивать свое существование на земле.

Здесь нужна не хвастливость, не гордыня и не «мессианская» мания величия. Здесь нужна крепкая *вера в Бога и воля к жизни*. Здесь необходимо полусознательная национально-государственное чутье; и чувство собственного достоинства. *Нация есть живая система самоутверждения и самопомощи*. Ей не на что и не на кого надеяться, кроме Бога и своих собственных сил. И после верности Богу — у нее нет другого высшего закона, кроме самоподдержания и расцвета духовно-национальных сил. Народ призван блюсти себя сам. Он призван к духовному и государственному *самостоянию*. Он сам должен уметь закладывать свои злые страсти и будить свои благие силы. Он должен помнить, что всяким изнеможением его инстинкта и всяким померканием его самосознания — беззастенчиво и безжалостно воспользуются все его непоколебавшиеся и не померкшие соседи. Ибо миром международных отношений движет не благородство, не благодарность и даже не правосознание, а интересы и силы народов.

Только самодетельностью спасаются народы. Только в самостоянии будет жить Россия. Никто ей не поможет. Она должна помочь себе сама: *молитвенным подъемом и действенной волей*.

3. Историческое единство России.

Россия должна прежде всего почувствовать сердцем и волею, а затем восстановить и организовать на деле — свое *духовное единство*.

Духовное единство России доказано той великой, — самобытной и глубокой, — культурой, которая была создана единым русским народом во всем сложном сочетании его национальностей. Эта культура создавалась в течение целого тысячелетия, на единой, все расширявшейся территории, в единой и общей *равнинной* природе, в едином сурово-континентальном климате, под единой *государственной властью и системой управления*, при едином государственном и культурном языке, в единой судьбе международных войн и социально-классового, хозяйственно-торгового сотрудничества. Все это выработало у народов России сходство душевного уклада, подобие характеров, близость в обычаях, и, наконец, то *основное единство в восприятии мира, людей и государства*, которым русские народы без различия племени отличаются от западно-европейских народов.

Из этого единого и общего «материала» жизни и быта, *славяно-русское племя*, исповедовавшее христианско-православную веру, создало и выносило *тот самобытный духовно-творческий акт*, которым творилась и создавалась *русская национальная культура*.

Славяно-русское племя исторически вело и государственно строило Россию. Оно никогда не угнетало других, численно меньших племен, но само вынуждено было то свергать их гнет (татарское иго), то обороняться всюю силою от их завоевательских вторжений (крымские татары, литовцы, поляки, шведы). Русский народ не жесток и не воинствен; он от природы благодушен, гостеприимен и созерцателен. Но русские равнины были искони со всех сторон незащищены и открыты, и все народы рады были травить их безнаказанно. И потому России пришлось провоевать ровно две трети своей жизни. Издревле русский пахарь погибал без меча: а русский воин кормился сохой и косяго. Замирение и колонизация шли тысячу лет рука об руку.

Славяно-русское племя, проводящее Россию через все эти испытания, не отгораживалось от замиренных и присоединенных им племен, даже тогда, когда они были совершенно чуждыми ему в расовом отношении, но принимало их постепенно — гражданственно, кровно, культурно и правительственно — в свой состав. Различия не исчезли, но равноправие и душевно-бытовое общение вызвали к жизни духовно-братское единение.

Вследствие этого *духовно-творческий акт славяно-русского племени*, не изменяя своей природе, *приобретал все новые горизонты и задания*: чтобы вести Россию, он должен был становиться *все более свободным, гибким, отзывчивым и глубоким*. Его вели: *славянская даровитость и вселенская дыхание русского Православия*. И когда он окреп и развернул свое творчество, то оказалось, что Россия есть не пустое слово и не просто единое государство, — но *система духовного единства, создаваемая единым, русско-национальным духовным актом*.

Этот единый акт есть, по глубине и гибкости своей, национальный акт для всех племен России: все они найдут себе в нем творческий исход и родную стихию. Он собрал все их различные творческие струи и, впитав их, уместил, угнездил их в себе. Этим он их принял, освободил и оформил. И всякий сын России, владеющий русским языком, найдет себе в русской вере, в русской добродетели, в русской песне и музыке, в русской живописи и архитектуре, в русской науке и философии, в русском праве и правосознании — такие пути жизни и такие формы творчества, которых никогда не даст ему ни один чужой народ.

Это *духовно-культурное единство России* завершается ныне, как и встарь, ее *территориально-политическим единством*, ее *общей международно-военною судьбою* и ее *хозяйственно-производительной и торговой сопринадлежностью*. Россия не выдумана дерзким завоевателем, подобно империи Наполеона; Она не есть недавно и наскоро построенная федерация, подобно Штатам Северной Америки. Она есть живой, духовно и исторически сложившийся *организм*, который при всякой попытке раздела и из всякого распада вновь восстановится таинственной, древней силой своего духовного бытия.

Иван Александрович Ильин — русский философ (1882—1954), профессор Московского университета, выслан из России большевиками. В эмиграции издавал журнал «Русский колокол». Сейчас его работы начинают понемногу печатать в нашей стране — на удивление «не широко». Между тем ни один из философов дореволюционной и зарубежной России, трудов которых мы так ждали и на которые возлагали столько надежд, не пришелся «вполне» нашему сегодняшнему времени — ни Бердяев, ни Соловьев, ни Шестов, ни Франк, ни Карсавин, ни Розанов. Все они несколько разочаровывают. Сергей Булгаков, Флоренский — пожалуй, ближе. Ильин — несомненно.

Ильин — философ революции и катастрофы, и философ русской государственности. То, что произошло с нами в 17-м году, не укладывается в понимание. Попытки это мысленно объять останавливаются перед слабостью человеческих сил. И вот, похоже, у Ильина это стянута воедино — в концентрированные, глубочайшие тексты, высвечивающие суть произошедшей с Россией катастрофы. Кроме того, Ильин дает свое объяснение всему мировому кризису, в который вошло человечество в XX-м веке, и опять же останавливается на России как единственной, кто имеет надежду найти выход из бездны.

Мы взяли работу, публикуемую в журнале «Слово», редакция которого назвала текст «Манифестом русского движения» и призывает размножить его всеми возможными способами. Действительно, лучше этого текста нет на свете и у самого Ильина.

Игра «Проблемы русской культуры» проходила в начале июня в Красноярске, присутствовало около 50 человек: половина из Красноярска, половина со всего Союза. За участие нужно было заплатить 2 тысячи рублей — и платили. Состояние людей можно себе представить: русская культура, которая гибнет, и вам предлагается возможность что-то сделать.

От события со столь общим названием и так дорого оцененного по началу ожидалось, что будет кто-нибудь из знаменитостей, кто-нибудь из всем известных деятелей культуры (Лихачев, Аверинцев, например), ожидалось духовенство. Но когда на вопросы: «Будут ли?» — ответ был отрицательный, то люди и сами себе говорили: а, впрочем, что нам могут сказать Лихачев и Аверинцев, чего бы мы в их книжках уже не прочли? Наша культура еще не скоро дойдет до уровня, когда любой человек сможет свободно «поработать» несколько дней с Аверинцевым, так что пока это не реальность и не проблема нашей культуры. Да никто и работать бы не стал: сели и ждали бы, чтобы те «вещали», а мы внимали.

Поэтому сказать себе пришлось так: вот мы с вами здесь собрались, мы и есть культура, мы ее делаем. А в игре заложено, что она в сжатом виде вся жизнь, концентрированная жизнь. Что на ней произойдет — то и в жизни произойдет, что не произойдет — того и там не получится. Станет ли то, что мы делаем, фактом культуры, найдем ли мы подходы к решению ее проблем, будем ли мы определять направления ее развития и т.д. — как на игре, так и в жизни.

Так мы и будем оценивать игру как характеризующую современное нам состояние культуры.

1. НОВЫЙ ТИП ПРОФЕССИОНАЛОВ

Сначала — как организованы эти «действия» — игры.

Внешне — собирают людей, имеющих как можно более широкое отношение к области, в которой решается проблема, и предлагают им очень интенсивно «работать» — обсуждать, делать доклады, строить проекты — по определенному плану, заранее предложенному, после выполнения которого ожидается, что проблема как-то будет решена или прояснится. Работа с 10 утра до 12 ночи, дней десять.

Что происходит с людьми на игре, описать трудно. Какое-то чудо. Спорят не на жизнь, а на смерть. Нервничают от неудач и тупиков. Считают, что под сомнением их профессиональная пригодность, к тому же очень задеты проблемой — и напрягают все силы. При этом начинают сочувствовать друг другу и понимать, что все хотят, «как лучше». Понимают и то, что каждый человек важен, каждый должен быть как-то включен, всех нужно занять (это хорошая школа нравственности — игра). Если кого-то и «вырубают», то не со зла, а за дело — когда человек разрушает общее понятийное поле, не туда ведет.

Все взаимодействия и взаимоотношения, из которых состоит наша жизнь, тут собираются на один пятючок и их разнородность начинает свертываться молниями. Это надо еще уметь — вызывать ощущение накала, трепетания жизни, обнажение самых больных и мучительных, существенных для человека проблем.

Удивительно, какой на играх устанавливается язык.

Люди очень скоро выясняют, что под каждым словом каждый подразумевает свое — и идет взаимное непонимание. В течение нескольких дней в конце концов вырабатывается набор слов с общепринятым (на этой игре) значением, о котором договорились — и общаются уже на этом понятном друг другу элементарнейшем языке — все равно, что на пальцах. И оказывается, что так можно описать самую сложную проблему.

Люди друг друга начинают понимать и испытывают наслаждение.

Чудо игры в том, что после всех нечленораздельных попыток, после отчаянных ломов — наконец открывается какой-то просвет. Или человек находит себе оправдание, или получает надежду, что теперь у него может получиться, или начинает видеть не свой частный тупик, а какую-то перспективу, — но перед ним в его деятельности открываются горизонты, от которых еще какое-то время строить планы, проводить их в жизнь. Находит себе форму.

2. «ЕСЛИ ТЫ РУССКИЙ, ЗНАЧИТ ЗДЕСЬ КОМАНДОВАТЬ МОЖЕШЬ? СНАЧАЛА УЧЕНЫМ СТАНЬ».

Игры по поводу деятельности и по поводу профессионализма могли родиться лишь из представлений, что современный мир — это мир профессионалов, мир деятельности. Человек должен быть профессионалом. Причем сейчас уже скорее западного образца: нужно самому открыть новое поле деятельности, создать себе место под солнцем — благодаря этому никем не занятое, раз ты его сам открыл; благодаря этому ты будешь знать и делать там все лучше всех, как автор идеи, ты будешь главным специалистом (Поэтому на западе так много мэтров, «ма-

эстро»). Профессионал в современном мире — это все. Хорошо делаешь дело, можно полностью реализовать себя. Хорошо делаешь дело — нравственно. Профессионал поэтому — первично. Вторична национальность (русской или литовец — все равно), вторична вера («нет такой профессии — хороший человек»).

КУЛЬТУРА «САЛАМАНДРЫ» БРОСАЕТ НАМ ВЫЗОВ

компьютеры, что мы не русские, что убито первичное. И надо сначала возродить душу живую — тогда и в промышленности, в деятельности произойдет рас-

цвет. Япония начала свое экономическое чудо с того, что стала выпускать национальные игрушки, внушая с детства, что «японское» — самое лучшее, самое красивое.

«Вот-вот, — говорят профессионалы, — что бы такое в национальных символах и национальных чертах найти, чтобы человек захотел компьютер изобретать, а не дедовскому способу только и доверять?» (Вроде того, как на заре революции большевики изобрели буденовки в стиле национальных русских шлямов).

Итак, на материалах проблем культуры и у универсальной деятельности обнаружились узкие схемы, достаточно непробиваемые, чтобы самим пробивать, как таран (ничуть не лучше, чем у «кондовых патриотов»). Из этих схем без замочки составлено заключение, что «старина», «восстановление храмов», «возвращение к национальному», «возвращение к православию» — неперспективно, неэффективно, в прошлом. И если построить на 200 лет вперед, то всего этого не будет, а будут тойоты и туфли «саламандра».

«То, что пытаются восстановить, несовместимо с НТП, а прямо ему противоположено. Сапоги шить эти люди не умеют — потому что сапоги нужны миллионы. Подвигом такую территорию, как наша страна, уже управлять нельзя и неэффективно. Техника эффективна, а восстановление храма неэффективно. Традиции, которые нас призывают возродить, противоречат эпохе, ее вызову. Эта эпоха бросает нам вызов, эта культура обладает вещной силой. Она сумела создать ботинки «саламандра». Эти саламандры сделаны как будто для меня. А эти храмы не для меня сделаны» — так может звучать их кредо.

3. Я — СИРОТА, ЕСЛИ НЕТ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Но не надо думать, что нет людей, для которых как раз храм был бы — как для меня сделан, и все русское так же: какой-нибудь вышитый орнамент, деревянная резьба, заунывная песня. И эти люди обязательно плохие профессионалы, ленивые и не умеющие дела делать, которым нужно «руссостью» компенсировать свою неполноценность (есть и такие недобросовестные объяснения патристического всплеска).

А.Ю.Ступин, профессионал в н о занимающийся восстановлением русских церквей, объяснил «зачем ему это нужно» примерно так: он узнал традицию отцов (культурность — это принятие традиции отцов), и она оказалась близка и все разрешила. До

этого, от отсутствия преемственности, все время чего-то не хватало, и нужно было это домыслить. И это больше потеря, чем отсутствие тойоты.

При взгляде, что возрождать культуру естественно и необходимо, не сразу верится, что кому-то это кажется ненужным (и они притом собрались для обсуждения проблем русской культуры — потому что пороку службы имеют к ней отношение). Но не надо пугаться, что это так. Более опасным было заблуждение думать, что здесь все единодушно. Поэтому, кстати, на игре довольно быстро перестали поминать о культуре, говорили лишь о ее неэффективности и банкротстве. Эти разговоры, правда, для культуры тоже полезны, как полезно знать, что не все, даже имеющие отношение к культуре, считают нужным и будут ее возрождать.

«Я не знаю, почему вам это не нужно, вам наверное и так хорошо. А вот я — сирота». (То есть: я всегда был беден, я увидел, что я обокраден, мне не хватало на жизнь, я стал ходить и искать, где мне могут подать, — и нашел усыновление в русской культуре).

И знаете, что ответили на игре по проблемам русской культуры на это сиротство оставшихся без нее? «Не подаю» — сказал руководитель игры А.Н.Горбань. «Не подавать — наш принцип», — единодушно подтвердили игротехники.

В период безбожия мы привыкли, что чем хлеще и новее (циничнее) скажешь, тем более впечатляет умы. Пора отвыкать. Впечатляет умы блуждающие, оторванные от корней, у которых нет различия между идеалом Содомы и идеалом Мадонны. Умы, соединившиеся с традицией, такие заявления ужасают своей дикостью.

В христианской традиции — если просят, значит нужно подать, не мудрствуя. И милостивей душой свою спасают.

ИЗ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ Г.Р.МОСКВИНА ПО ТЕМЕ: «ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РУССКОЙ ДУШИ»

Человек определяется понятийным, эмоциональным и кинестетическим уровнем (уровнем энергетик, движений, моторных реакций). В этом последнем уровне мы выросли русскими людьми. А верхний уровень мышления и чувств сформирован в мировой культуре, мы взяли его отсюда. Поэтому для нас мысль не означает движения и движение не есть мысль. Наше мышление не связано с кинестетикой. У нас нет «тела сознания» (точнее оно другое). В западноевропейской культуре слова означают тела. Там движение имеет смысл само по себе, а равно и наука, техника, спорт самоценны, обеспечивают полноту существования. У нас же все время нужно что-то «допридумывать». Смысл — в действии, танец, занятие — надо дополнительно вносить. Только русская литература связала мысль с воплощением, как бы искупила этот грех ухода русской мысли от природы.

Поэтому русская культура все время ожидает «откровения» — что-

бы соединилось слово и дело. Ожидание откровения — это всегда ожидание того, что произойдет извне, само. Естественно, что второй специфический механизм русской культуры, который она выработала, — компенсация отсутствия откровения. Откровения нет, есть предопределение, удел. Поэтому соединение слова и дела не происходит — это компенсируется «подаванием себе». Нужно, чтобы кто-то извне пожалел, подал. Появляется феномен «соборности», которая реализует жалость к себе коллективным способом. Без этого мы можем быть предопределенности — отсутствия откровения — не перенесем. (В контексте этого понятие переживание себя как сироты).

В управлении, в технологии, которые сегодня с необходимостью нужны русской культуре, нет откровения, и надеяться на него — обречь себя на провал. В русской культуре нужно найти, что бы в ней стимулировало на освоение технологии. Без этого мы наших проблем не решим.

Подведем первый итог.

Ситуация на игре вполне отразила те противоречия, которые раздражают нашу и без того истерзанную культуру.

Новые типы деятельности и новый тип профессионализма становятся фактом культуры. Еще раз: традиционным профессионалам, в основном, преподавателям вузов, совбравшимся на игру, была продемонстрирована новая суперпрофессиональная деятельность интеллектуалов (совсем молодых еще людей), начинающих управлять процессами развития экономики, образования, науки, культуры... И эти профессионалы, вроде бы, не оставляют сомнения, что за ними будущее.

Может быть, они даже факт русской культуры. Но Дай Бог, чтобы русской культуре это ее порождение пошло на пользу, а не на очередное поругание и погубление. Ведь эти новые профессионалы, являясь идиотами впереди представителями нынешнего состояния культуры, в то же время не основываются на коренных ее признаках: национальном и религиозном. Угробят они остатки русской культуры? — может быть и нет. Помогать и возрождать ее они не будут, это ясно, в этом на них рассчитывать не приходится. Справится ли культура, когда жизнеспособная сила ее так истощена, с этим расколом между высокопрофессиональными специалистами, которые ей нужны, и «корневыми», которые ее суть? Специалистов, как деловых людей, это мало волнует. Они принципиально «не подают». Это первая проблема, которую мы выделяем.

На игре труднопримиримость этих разноразличных устремлений культуры ярче всего проявилась по отношению к вопросам веры, что тоже было неожиданно при тех реверансах, которые наш интеллигентный культурный слой последнее время делал в сторону церкви и религии. Оказывается, здесь далеко до идиллии. Искренне ли интеллигенция нуждается в духовной пище, почерпаемой из религии? Об этом — отдельно, в следующем номере газеты.

(Окончание следует)

В.Челазнова.

Биржа труда — для вас

Открывается «Российская биржа труда молодых специалистов». Деятельность Биржи — трудоустройство молодых специалистов. Услуги студентам предоставляются бесплатно. Взаимные расчеты будут производиться между предприятием и Биржей после того, как вуз заключит с этим предприятием, учреждением или организацией договор о передаче молодого специалиста. Такая форма обеспечит социальную защиту студентов.

Информация о состоянии дел на рынке труда будет публиковаться периодически.

Следите за опубликованием рабочего документа биржи — Анкеты Биржи, через которую студент выйдет на рынок труда.

Я всегда придерживалась правила не давать советов (и консультаций) без просьбы со стороны заинтересованных лиц. Тем более во всем, что связано с так называемой "культурой речи". При случае толкую, что почти всегда есть выбор: сказать так или иначе. Что нужна языковая терпимость.

Но несколько послепутчевых вечеров у телевизора вынуждают меня на отступление от этого правила. Собственно, не вечера, конечно же, вынуждают, а один факт парламентской языковой практики.

Спикеры обоих Верховных Советов в соответствии со своей ролью постоянно предоставляют или не предоставляют слово депутатам. И с тем же постоянством именуют это свое занятие глаголом "представлять". Не так уж переживаешь, когда это бывает Рафик Нишанович: он говорит на русском как неродном. Но Руслан Хасбулатов — университетский профессор, любимец демократов и Ельцина лично... Тяжело, ей Богу.

Маленькая консультация по своей инициативе

Если столь уважаемые люди, а также их ближайшее окружение культивируют такое словоупотребление, то, может быть, подумала я, и в нашей университетской публике живет уверенность, что "слово — представляют". Не попытаться развеять такого заблуждения не позволяет профессиональная совесть и любовь к ближнему. И я решаюсь на маленькую консультацию по своей инициативе.

Два русских глагола представлять и предоставлять так созвучны, что как бы сами провоцируют их неразличение, так и толкают к тому, чтобы употребить один вместо другого. Между тем их смыслы далеки друг от друга. И это становится понятным, если истолковать их или перифразировать.

Представлять-предъявлять, показывать; предоставлять-позволить воспользоваться. Это очень грубые "пе-

реводы с русского на русский", но они сразу показывают смысловую разницу глаголов.

Выражаясь более специально, скажу, что только глагол представлять содержит модальный компонент возможности/ позволения, поэтому с ним сочетаются имена событий — предоставить что-то для... ознакомления-подготовки-возражения и т.п.

Разница эта столь велика, что никакая степень языковой терпимости не может оправдать выражение "Я вам потом представлю слово" — допустимо только "предоставлю", иначе говоря, позволяю этим словом воспользоваться, выступить.

Особенно хорошо различие наших глаголов видно в сочетаниях с одними и теми же именами; так, например, предоставить документы означает их попросту показать, предъявить; а предоставить документы — отдать для то-

го, чтобы с ними познакомились, изучили, подшили к делу — т.е. позволить так или иначе воспользоваться.

В заключение скажу, что наши уважаемые спикеры, конечно же, не единственные, кто так неразборчиво обходится с этими глаголами: их употребление составляет одну из трудностей русского языка, что можно узнать из специального словаря трудностей. Это утешает, но не совсем. И одно лингвистическое сведение. Такого рода слово — разные, но трудно-различимые — называются паронимы и описываются в специальных словарях.

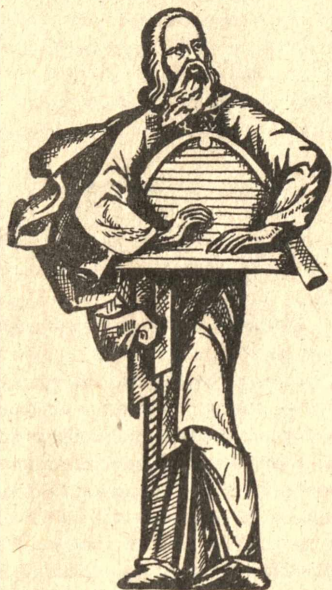
Укажу оба типа издания, где заинтересованный читатель мог бы узнать подробности того, что я изложила кратко и поневоле упрощенно:

Трудности русского языка. Справочник/ Под ред. Л.И.Рахмановой. М., 1981.

Вишнякова О.В. Словарь паронимов русского языка. М., 1984.

Вздохи по поводу речевых оплошностей наших парламентариев стали уже общим местом в разговорах сколько-нибудь культурных людей. Однако не думаю, что народные избранные как-то уж очень отличаются в этом отношении от своих избирателей, иначе говоря, они достаточно верно представляют (!) реальный уровень речевой культуры нашего общества. Поэтому при каждом отступлении от нормы в стенах парламента неплохо бы не столько всплескивать руками, сколько призадуматься: а мы-то как говорим? А призадумавшись, предпринять какое-нибудь усилие "в целях улучшения". Что я и делаю.

Т.В.ШМЕЛЕВА,
зав. кафедрой
русского языка.

Мы принимаем публикацию материалов по славянской языческой традиции "посвященных" не как бульварную пищу. Во-первых, эта традиция служит равновесием к захлестнувшим нас восточным учениям и может немного успокоить интерес к "посвященным" всего мира, к мировой магии. Оказывается, эти учения и эти "тайны" — очень древняя, первобытная традиция, имеющая много общего у всех народов и естественно уже достигшая утонченности там, где сохранилась до сих пор. Все это было и у нас. И тогда многое непонятное в этих чужих культурах по крайней мере теряет ореол какого-то необычайного откровения, а приобретает "крепкую" привязку — что все это "от земли", от рек, вод, камней и ветров, дождя и солнца; все это служит к тому, чтобы естественно включить человека в мировую стихию, дать ему быть текущим, светящимся, летящим...

Во-вторых, знания "посвященных" вытаскиваются сейчас из древнерусского фольклора, где они прятались и утаивались, скрывались, а не кодировались, так, что можно было бы открыть код и все прочесть. Прочесть можно только намеки, знаки — что это "знание" было. Но этого достаточно, чтобы голоса Сказителей зазвучали для нас по-другому ("под ними хаос шевелится") и их зов вызвал в нас древний природный ответ.

Наконец, это "знание" перекликается с христианством — тем, что ставит плоть, воплощение — переходящим рядом с духом, который вечен и который есть жизнеподполюющая энергия — свет. Знание волхов, правда, берет "дух" вслепую, нерасчлененно, слито, не имея прямого откровения истины, которое дано в Евангелии, — собственно, не имея и не зная любви. Потому оно в корне отлично от христианства и есть другая, первая, первобытная культура. Знакомым с обеими культурами воочию видно, как превращаются в камень, делаются подобны немому идолам самые сладкозвучные лирики рядом с явленной любовью христианства.

ВОИНСКОЕ ИСКУССТВО БЕЛЫХ ВОЛХВОВ

В былинах встречается описание образа богатыря Волха (Волхва) Всеславьевича. Образ этого богатыря так же древен, как и образ, представленный в описании Святогора-богатыря. Повествование об образе Святогора примечательно тем, что здесь дается описание изливания внутренней энергии (известной в дальневосточных системах единоборства как цигун, чигонг, кико (яп.) и др.):

Снарядился Святогор
Во в чисто поле гуляти,
Заседает своего добра коня
И едет по чисту полю.
Не с кем Святогору
Силой померяться,
А сила-то по жилочкам
Так живчиком и переливается.
Грузно от силушки,
Как от могучего бремени...

Современные мастера цигун и его японской разновидности под названием кико способны демонстрировать такие феномены ресурсов человеческого организма, как увеличение собственного веса в десятки раз вплоть до того, что их ноги начинают "увязать" в земле и входить в нее по щиколотку и выше.

Описание подобного феномена встречается во многих былинах о Святогоре, а также в былинах о других богатырях:

И по колена Святогор в землю угрыз...
(Былина "Святогор и тяга земная")

Хронологическое соседство и существование образов Святогора-богатыря и богатыря Волха Всеславьевича говорит о том, что изначально богатырем назывался не в буквальном смысле физически сильный человек, а человек, умевший проявлять свои энергетические внутренние резервы.

При всем большем внимании к богатырям и их незаурядным делам тем не менее существуют в описаниях былин, старин, легенд и другие персонажи-герои, которые сообщают богатырям и воинам знание о силе, о природе, о неизведанных глубинах мифологического сознания, тайных учениях и о феноменах способностях и возможностях человеческого организма.

Наиболее известная былина об исцелении Ильи Муромца в деталях описывает тот ключевой момент, когда странствующие, подобно буддийским монахам, калики перехожие пробуждают в Илье Муромце внутреннюю энергию, восстанавливают его биоэнергетику до такой степени, что он встает на скованные параличом ноги:

Говорят-то все калики перехожие,
Перехожие калики, переброжие:
— Ты сойди, сойди, Илья, со печки со кирпичной.
— Я сижу, братцы, на печки, я единой день,
Не могу ходить на ноженьках я тридцать лет.
Говорят ему калики перехожие:
— Растяни-ко, ты, расправь свои ты ножки резвые,
Ты сойди теперь со печки — они понесут тебя,
Понесут тебя, удержат ножки резвые.
Он расправил на печке ножки резвые,
У ево ведь резвы ножки да растянулись,
Соходил же он со печки со кирпичною,
У ево ведь резвы ноженьки — как век ходил.
И пошел он — он скоро сам за золотой казною
Подать-то каликам перехожим.
Говорят ему калики, все ответ держат:
— Не возьмем-то мы твоей все золотой казны;
Принеси ты нам напиток пива сладкого.
Нацедил, сохотил на погреб, чашу пива сладкого,
Подает все каликам перехожим,
Перехожим каликам, переброжим тут,
Подает ведь он ото всей радости;
Он ведь кланяется на все до сырой земли,
До сырой земли, до ихних резвых ног.
Они попили-то тут да пива сладкого,
И немного они чаши оставляли тут,
Оставляли они чаши, подают ему:
— Ты возьми у нас испей, да ты Илья наш свет,
После нашего питья — да мы скажем тебе,
Теперь будь-ко ты, Илья, да ты по имени,
Будь ты свет да Муромец,
Илья Муромец, да свет Иванович,

Каково ты во себе слышишь здоровьиче?

— Я ведь слышу по себе — да теперь здрав совсем,
Теперь здрав-то совсем, все здоровешенек.

— Мы скажем теперь про, тебе поведаем:

Принеси-ка ты еще пива — другу чашу.

Он все рад бежать за пивом Илья Муромец,

Илья Муромец бежать да сын Иванович,

Нацедил-то он другую да пива сладкого,

Он принес-то все каликам перехожим.

Испивали калики во другой након (прием),

Оставляли ему да полчаши все:

— Пей-ко ты, Илья, да Илья Муромец.

Потому мы тебя называли, что — Муромец,

Мы по-вашему зовем да все по городу:

Ты живешь все во городе во Муроме.

Выпивал-то Илья да все из чаши тут,

Говорят ему калики перехожие,

Перехожие калики, переброжие:

— Ты ведь слышишь ли в себе теперь какую силу?

Отвечает Илья, да Илья Муромец,

Илья Муромец, да сын Иванович:

— Я ведь слышу-ту силушку в себе великую,

Кабы было кольцо в матушке сырой-земле,

Я бы взял-то сам бы единой рукой,

Поворотил бы всю матушку сыру-землю.

Еще тут-то калики говорят да промежу собой,

— Как мы ведь силы-то тебе много дали,

Ай не будет носить-то тебя матушка сыра-земля.

Говорят калики перехожие:

— Принеси-ко нам пива во третий након.

Ай ведь попили они, немного этот раз оставили.

— Допивай, — ему сказали, — пиво сладкое. —

Он ведь допил у их да пиво сладкое;

Говорят они ему все таковы слова:

— Ты ведь много ли в себе теперь имеешь все силушки,

Ай слышишь по своим-то могучим плечам?

— Я ведь чую в себе, слышу силы в половиночку:

В половины у меня все силы сбавилось...

Истории о чудесных исцелениях, о лечении ран, полученных в ратных

столкновениях и даже истории об оживлении — все это составляет основные

темы сюжетов, описанных в былинах.

Ратное дело давало обильную почву для развития и применения знаний о возможностях тела и психики человека. Изучая способы разрушения человеческого организма, древние воины неизбежно сталкивались с необходимостью делать человеческий организм неуязвимым не только от ударов руками и ногами и от оружия, но и вообще от различных неблагоприятных и разрушительных воздействий. Таким образом, наука разрушать человека, всегда имела свою оборотную сторону как наука о силах, способах и методах восстановления и возрождения человеческого организма.

Следует еще обратить внимание на один из самых важных моментов в теории и практике воинских искусств, без осознания которого невозможно не только перенять и эффективно использовать в современной повседневности опыт наших мудрых, поэтических и исполненных тайн предков, невозможно увидеть весь огромный внутренний мир наших предков, а также смысл теории и практики воинских искусств на протяжении всех веков истории человечества. Речь здесь идет, выражаясь современным языком, о теории реинкарнации — о теории существования и взаимодействия двух субстанций, нематериальной и материальной — о существовании и взаимодействии души и тела.

Теория реинкарнации являлась и является тем краеугольным камнем и фундаментом, на котором и строилась и строится теория и практика, в частности, всех воинских искусств и который является основой взаимодействия и взаимоотношений людей между собой и с окружающей природой.

Современному человеку интересно будет узнать, что та легкость, с которой его древний предок устраивал сражения и вступал в поединки с применением оружия, во время которых его телу мог быть причинен значительный урон — основывалась на знании теории реинкарнации, а также на тех преобразованиях в структуре личности и системе ценностей личности, которая складывалась в результате выпитывания и информации по теории реинкарнации.

Одним словом, древние воины бесечно относились к возможности получить значительный урон и раны для тела, а также к возможности навеки остаться на поле боя в силу того, что одно из утверждений теории реинкарнации гласит, что тело, телесный организм — лишь благодатный дом-обиталище и оболочка для другой вечной субстанции — духа-души, духа-разума, — которая является настоящим "я — сознанием" человека.

Для древнего воина факт битвы, где он мог быть уничтожен — являлся фактом заурядным и обычным, так как прекрасно осознавалось, что потерять тело — не значит быть уничтоженным. Мало того, считалось, что быть уничтоженным телесно в сражении — значило "сжечь" и уничтожить свою карму в этой жизни.

(Продолжение следует)

Материалы предоставлены литературно-исследовательским бюро "Инсайт" Гуманитарного центра КНЦ СО АН СССР
Художественное оформление О. Томаровской.